

Цзян Лэ много раз проверял системный интерфейс, от биологического справочника до страницы питомца, но не нашёл ни одного предупреждения об отклонениях. Ему оставалось только считать это особым явлением при повышении после прорыва.

В конце концов, кровавая лоза и по звёздному потенциалу, и по уровню стояла на ступень ниже волчонка, поэтому сравнивать скорость её пробуждения было нельзя.

После прорыва к 5 звёздам и повышения до 6-го уровня кровавая лоза, помимо серьёзного роста базовых показателей, проявила и другие особенности эволюции. Раньше дочерние лозы предпочитали по-змеиному зарываться в землю. Теперь же кровавая лоза могла мгновенно превращаться в вещество, подобное воде. Просачиваясь в почву, оно быстро распространялось и гораздо быстрее формировало под землёй энергетическую сеть. При этом почва не была единственной средой. Такое просачивание могло происходить в любой объект, чья защита была ниже атаки кровавой лозы.

Например, Цзян Лэ наугад достал свежую говядину и баранину. Раньше кровавой лозе приходилось через присоски на дочерних лозах выделять токсин, чтобы растворить плоть и кровь живого существа и завершить поглощение. Скорость и тогда была неплохой, но по сравнению с нынешней это было совершенно другое дело.

Баранину положили на землю. Сначала внешне в ней совсем ничего не изменилось, она даже продолжала источать запах свежезабитого мяса. Но не прошло и мгновения, как мясо вместе с костями с тихим шорохом исчезло в воздухе. На земле, где лежало мясо, остался лишь влажный след. Впрочем, и он просуществовал меньше половины секунды, быстро слившись с землёй и не оставив никаких признаков существования.

Через миг дочерняя лоза вылезла из-под земли. А кровавая лоза на грядке поставила две лозы в боки и гордо сказала:

— Папа, примерно вот так.

Впрочем, такая скорость была всего лишь демонстрацией для Цзян Лэ. Сама кровавая лоза больше любила есть медленно. Если поместить её в дикую природу, это была бы жестокая особенность: предпочитать есть живьём и медленно мучить добычу.

Цзян Лэ сел, скрестив ноги, рядом с грядкой и достал для кровавой лозы ещё половину говяжьей туши с костями. На этот раз кровавая лоза получила желаемое и, как будто давно не ела любимую закуску, обняла мясо и стала медленно его растворять.

В этом повышении был ещё один очень важный момент: слабый гнилостно-кровавый запах, который дочерние лозы раньше испускали при каждом движении, исчез. Токсин больше не имел рыбно-гнилого запаха. Судя по тому, как он сливался с плотью живых существ, такое проникновение почти не приносило жертве сколько-нибудь заметных ощущений. Даже если ощущения были, их легко было спутать с обычным недомоганием в теле, поэтому насторожиться было трудно. А затаившаяся внутри кровавая лоза в любой момент контролировала время, когда токсин срабатывает.

Такое существо в дикой природе неизбежно стало бы одним из властителей зоны мутаций.

По сравнению с кровавой лозой, звёздный потенциал и уровень мутировавшего женьшеня были выше, но его стремления оказались куда более по-буддийски отрешёнными. После того как он осмотрел здоровье сотрудников фермы и первой партии принятых беженцев, он решил, что Цзян Лэ действительно не обманул его и сдержал обещание. Поэтому близость мутировавшего

женьшенья к Цзян Лэ наконец перешла из почти бесконечного минуса в несколько десятков положительных очков.

С волчонком и кровавой лозой это было не сравнить, но и время приручения у них было разным. Цзян Лэ был уверен, что со временем понемногу вырастит и мутировавший женьшень.

У Цзян Лэ уже был план на этот счёт. Временный медицинский кабинет перед офисным зданием всё же был только временной мерой. Он собирался построить для мутировавшего женьшенья отдельную маленькую лечебницу. Это было нужно не только ради повышения близости мутировавшего женьшенья, но и могло поднять показатель строительства самой фермы.

Вместе с маленькой лечебницей Цзян Лэ внёс в план и школу.

Кроме Таньюань, дочери Чжан Хайяна, среди первой партии беженцев, принятых на ферму, тоже были дети небольшого возраста. И тем более после прибытия второй партии беженцев детей станет больше. Хотя сейчас Цзян Лэ не мог обеспечить им полноценную систему образования, но если эти дети овладеют базовыми знаниями, это будет полезнее и для их долгого будущего, и для развития фермы.

Эти два новых здания Цзян Лэ разместил за пределами фермерской стены. Так ими будет удобнее пользоваться всем жителям фермерской зоны. Хотя по названию одно называлось больницей, а второе школой, по нынешнему внешнему виду это были всего лишь два маленьких домика. Такие функциональные здания, включая разные начальные мастерские, после постройки будут меняться в размерах вместе с повышением фермы. Сейчас же они могли быть только в самой начальной форме.

Но мутировавший женьшень несколько не стал придирается. Узнав, что у него скоро будет отдельная лечебница, он несколько раз подряд спрашивал Цзян Лэ:

— Правда? Правда построишь для меня?

После того как Цзян Лэ снова и снова без раздражения давал ему утвердительный ответ, на тёмно-зелёных ветках женьшенья выросло несколько новых листочков. Он весь будто ожил.

После завершения строительства лечебницы и школы вторая партия принятых беженцев тоже одна за другой добралась до фермы. Сама Цзянцзя была небольшой, мест уже не хватало, но вокруг было много заброшенных деревенских руин, так что о жилье беспокоиться не приходилось.

Соответственно, дел по строительству стало немало. Привести в порядок деревенские дома, починить крыши, выдать помощь, соединить дороги между деревнями и фермой, расчистить русло реки, которое когда-то перекрыли мутировавшие водоросли, чтобы принятые беженцы могли пользоваться водой, и так далее. Всё это давало новым беженцам рабочие места и одновременно очень хорошо увеличивало показатель строительства фермы.

Цзян Лэ стоял у школы. Школу построили позавчера. Вчера она успешно наняла одного мужчину и женщину, у которых до конца света действительно был преподавательский опыт. Потом они разобрали книги, которые Цзян Лэ в прошлый раз забрал из библиотеки средней школы в городке зомби, выбрали пригодные базовые учебники, и сегодня уже начались занятия. Кроме еды, за которую нужно было платить самостоятельно, всё остальное было бесплатно.

Но хотя это называлось уроками, сейчас всё больше походило на детский сад. Внутри было семь-восемь детей, включая Таньюань. Возраст от трёх до двенадцати-тринадцати лет. В зависимости от возраста им давали разные занятия. Учёба была одной стороной, а другой — то, что это решало проблему для многих родителей, которые работали снаружи и не могли постоянно заботиться о детях.

По крайней мере, пусть все они научатся читать и писать. Таково было желание Цзян Лэ.

А возле маленькой лечебницы было куда оживлённее. Домик разделили на две комнаты, у каждой двери висела своя табличка. На одной было написано: «Кабинет лекаря-женьшеня». На другой: «Процедурная лекаря-женьшеня».

Даже на груди у Фэн Юня висела маленькая табличка: «Ассистент лекаря-женьшеня». Каждый день, когда начиналась работа, он переносил мутировавший женьшень за занавеску.

Большинство беженцев из второй партии находились в состоянии серьёзного истощения. Многие добрались до фермы буквально на грани жизни и смерти. Поэтому в этот период мутировавший женьшень и Фэн Юнь каждый день были заняты с утра до вечера. На койках процедурной постоянно кто-то лежал: один вставал, другой ложился.

Беженцы не знали, как именно лечит маленькая лечебница. Они знали только, что каждый раз, стоит лечь в процедурной, закрыть глаза, как сразу засыпаешь. Сон всегда был прекрасным, а после пробуждения телу становилось гораздо легче.

Люди, пережившие отчаяние, столкнувшись с новой надеждой, способны излучать потрясающую благодарность и радость. Для мутировавшего женьшеня такие духовные эмоции были чрезвычайно вкусной вещью, поэтому он работал всё усерднее.

Шкала показателя строительства на охотничьей карте, и без того сильно выросшая благодаря весеннему сезону, за время приёма и размещения второй партии беженцев прошла оставшуюся половину. Наконец загорелся ещё один участок охотничьей карты.

Всё развивалось в хорошую сторону. В том числе шкала повышения волчонка, долго застрявшая, в этот вечер наконец прорвалась через 100%. Он мог проснуться в любой момент.

Однако эта задержка при повышении всё равно не слишком соответствовала обычным законам. Цзян Лэ взял мутировавший женьшень, который только что закончил работу и всё ещё икал от сытости, отнёс его на грядку в пространстве и заодно спросил:

— У тебя при повышении такое застревание бывало?

Прибытие второй партии беженцев дало мутировавшему женьшеню вдоволь насладиться работой. Его близость к Цзян Лэ тоже росла шаг за шагом и уже перешла за отличную отметку в 90 очков. В системном интерфейсе она оценивалась как «чрезвычайно близок». Поэтому он больше не был таким холодным, как вначале, и охотно болтал с Цзян Лэ о пустяках.

— У меня такого не было, — сказал мутировавший женьшень. Потом добавил: — Но чем выше уровень мутации, тем больше вероятность такой ситуации. Потому что поглощаемые кристаллические ядра становятся всё сложнее, а это влияет на направление эволюции тела. Иногда подобное случается.

Цзян Лэ примерно понял. Он также знал, что сами мутировавшие свойства, содержащиеся в кристаллическом ядре, влияют на мутировавшее существо. Именно поэтому волчонок

изначально был огненным мутировавшим видом, но после поглощения обладателя ледяной способности получил мутацию в сторону льда.

Только из-за этого при последующих повышениях Цзян Лэ очень внимательно выбирал кристаллические ядра и не давал питомцам ядра с конфликтующими свойствами.

Увидев, что Цзян Лэ молчит, мутировавший женьшень снова сказал:

— Но в конечном счёте то, в каком направлении мутировать, живое существо тоже выбирает собственным сознанием. Если это его собственный выбор, думаю, большой проблемы не будет.

Цзян Лэ услышал в этих словах утешение и улыбнулся мутировавшему женьшеню.

— Понял.

В любом случае это повышение уже закончилось, и Цзян Лэ не позволил себе думать слишком много.

Войдя в маленький домик, он увидел, что хотя до полного исходного размера было ещё далеко, огромный волк перед ним почти занял всю кровать. Но Цзян Лэ уже привык к такому распределению пространства. В конце концов, погода пока не была слишком жаркой, а тепло тела волчонка всё ещё ощущалось комфортно.

Цзян Лэ встал у кровати, упёр руки в ноги и уставился на мутировавшего волка.

Нельзя было не признать: в гигантском звере, помимо ужасающей ауры убийства, от природы была первобытная дикая красота. Каждая часть его тела была как будто особенно любима создателем. После мутации эта благосклонность не исчезла ни на йоту. Напротив, благодаря потрясающей скорости и силе эта поражающая красота стала ещё ярче.

Цзян Лэ рассеянно смотрел больше десяти секунд, затем протянул руку и потрепал гигантского волка по щеке. После этого он забрался на кровать и привычно устроился в объятиях гигантского волка, позволяя длинной мягкой шерсти накрыть половину его тела.

Прошла ночь. Разбуженный биологическими часами, Цзян Лэ ещё не открыл глаза, когда негромко зевнул. Он собирался опереться рукой и сесть, но тело первым почувствовало неладное.

Он открыл глаза и посмотрел на свою талию. Там лежала рука, не принадлежавшая Цзян Лэ.

Но сейчас Цзян Лэ находился в системном пространстве, куда, кроме него и питомцев, никакое живое существо войти не могло. Более того, хотя эта рука была незнакомой, аура, исходившая от неё, была Цзян Лэ совершенно знакома.

Это был волчонок.

И не только эта рука лежала на талии Цзян Лэ. Спина Цзян Лэ плотно прижималась к горячей груди, подбородок волчонка лежал на его плече, а ноги были полностью зажаты ногами другого человека.

В человеческом облике волчонок был крупнее Цзян Лэ на целый круг. Он без труда обнимал Цзян Лэ, словно держал человеческую куклу.

Мозг Цзян Лэ отреагировал через две секунды. Приняв этот невероятный факт, он резко сел,

вырвался из объятий человека за спиной, повернулся и с недоверием посмотрел на лежащего позади обнажённого мужчину. Провёл взглядом сверху вниз, и зрачки снова дрогнули.

Цзян Лэ схватил одеяло, которое обычно было вытеснено в угол кровати и не имело никакого чувства присутствия, и накрыл им талию волчонка.

После всей этой возни волчонок наконец открыл глаза. В человеческом облике кожа у него была темнее, чем у Цзян Лэ, пшеничного оттенка. Волосы тоже были короткими и немного колючими, но черты лица очень объёмные и красивые. Прозрачно-голубые глаза придавали ему лёгкое ощущение смешанной крови. Даже Цзян Лэ не мог не признать, что он красив.

Но именно из-за этого мысль о том, что он всю ночь спал в его объятиях, казалась Цзян Лэ до взрыва странной.

В первый момент волчонок, похоже, не заметил изменений собственного тела. Его только недовольно задело, что Цзян Лэ вдруг вырвался, и в глазах появилось недовольство. Однако, когда он поднял руки и увидел, что они человеческие, он сам тоже замер.

Он пошевелил пальцами, глядя, как суставы меняются по его воле, и в глазах у него появилось детское любопытство при первом знакомстве со своим телом.

Сердце Цзян Лэ смягчилось. Очевидно, это изменение произошло из-за нынешнего повышения. Как хозяин, он должен был сейчас направить волчонка, а не реагировать как-то иначе.

Поэтому Цзян Лэ пару раз сухо кашлянул и как можно спокойнее сказал:

— Дай я посмотрю системный интерфейс.

Сказав это, он нашёл в шкафу комплект своей одежды и отдал волчонку.

— Сначала оденься. Знаешь, как надевать?

Волчонок тоже сел. Одеяло на нём соскользнуло ещё ниже, и Цзян Лэ пришлось снова отвернуться.

Волчонок сказал:

— Знаю. Я видел, как ты надеваешь.

Это была всего лишь констатация, но она вызвала у Цзян Лэ множество воспоминаний. В этом домике он бесчисленное количество раз мылся, переодевался и в большинстве случаев вообще не избегал волчонка.

Ведь тогда в глазах Цзян Лэ волчонок был как домашний щенок. Ему совершенно не приходило в голову, что однажды тот сможет стать человеком. Действия, которые при питомце ничего не значили, сейчас в воспоминаниях казались такими, что Цзян Лэ захотелось схватиться за лоб и закрыть лицо.

Он ещё быстрее открыл страницу питомцев, желая выяснить, где именно возникла проблема.

В итоге он долго листал, пока, несколько раз просмотрев биологический справочник, наконец в записи повышения одного из кристаллических ядер не увидел: одно из ядер, использованных для его синтеза, принадлежало хамелеону 3-го уровня из зоны мутаций Юньчжун. Его

мутация, опираясь на исходные свойства вида, получила мимикрическое изменение. Такая крошечная низкоуровневая мутация смешалась в кристаллическом ядре для повышения. Поскольку показатель был настолько низок, что не стоил внимания, Цзян Лэ её не заметил и выдал волчонку как ядро, основное свойство которого было защитным.

Кто бы мог подумать, что именно эту небольшую склонность к мутации мутировавший волк точно уловит и включит в эволюцию при повышении до 7-го уровня.

Цзян Лэ не знал, переживать ему или радоваться. Со сложными чувствами он повернулся к уже одетому волчонку. Хотя он дал ему самый свободный комплект из своих вещей, для волчонка одежда всё равно была немного мала. Впрочем, в целом смотреть можно было. У людей с правильной фигурой и красивым лицом что ни надень, совсем уж плохо выглядеть не будет.

Увидев, что Цзян Лэ повернулся, волчонок сразу шагнул вперёд и приблизил лицо к лицу Цзян Лэ. Цзян Лэ быстро поднял руку, закрываясь, и настороженно спросил:

— Что ты делаешь?

— Потереться, — сказал волчонок. — Не потрёмся?

Тереться или не тереться, вот в чём вопрос.

В голове Цзян Лэ пронеслись бесчисленные сцены, где он поднимал четырёхглазого щенка и самозабвенно терся о него лицом. Среди них были и ранние моменты, когда волчонок ещё был детёнышем, не хотел тереться, но не мог сопротивляться тому, как Цзян Лэ тискал собаку. Ощущение причинно-следственного возмездия накрыло Цзян Лэ.

Он рукой мягко оттолкнул голову волчонка и устало сказал:

— Сегодня пока не будем тереться.

Волчонка оттолкнули, и на его лице было написано недовольство.

Цзян Лэ снова спросил:

— Можешь вернуться в прежний вид?

Волчонок отвернул голову:

— Не хочу.

Собственное превращение в человеческую форму он принял куда легче, чем Цзян Лэ. В душе он даже был очень рад. Живые существа обычно склонны искать себе пару среди того же вида, поэтому нынешняя форма волчонка очень устраивала. А то, что большинство живых существ ищет пару противоположного пола, волчонок очень решительно проигнорировал.

Цзян Лэ не стал силой требовать от волчонка. Он лишь слегка вздохнул:

— Ладно. Тогда сначала выйдем.

Новый участок охотничьей карты уже загорелся, а волчонок очнулся. Цзян Лэ собирался сегодня покинуть ферму. Перед уходом оставались некоторые дела, которые нужно было поручить Мао Сяофэю.

Когда они вышли из пространства, ферма как раз была занята работой.

Сотрудники смотрели, как Цзян Лэ идёт по главной дороге, а за ним следует очень высокий красавец. Они шли один впереди, другой позади, и по одним только лицам уже было трудно решить, кто из них красивее. Это действительно привлекало взгляды.

Только темнокожий красавец за спиной Цзян Лэ был уж слишком холоден. Даже такие старые сотрудники, как Чжан Хайян, хорошо знакомые с Цзян Лэ, из-за исходившей от него отчуждённой ауры не решались подойти и заговорить. Они лишь смотрели издали.

А ведь все они видели, что эти двое с самого утра вместе вышли из офисного здания. То, что на втором этаже офисного здания находится спальня босса, на ферме, пусть и не знали абсолютно все, но всё же было довольно распространённым общим знанием.

Цзян Лэ сделал вид, что не замечает этих взглядов. Он вышел за пределы фермы и нашёл Мао Сяофэя.

Мао Сяофэй находился в Маоцзя. Это было основное место проживания новой партии принятых беженцев. В целом всё уже было приведено в порядок, но всё-таки население выросло больше чем на три сотни новых людей, и каждый день возникало множество больших и малых дел. Мао Сяофэй как нынешний второй человек на ферме многие дела делал лично, и держаться он стал куда зрелее и устойчивее.

Однако даже самая зрелая и устойчивая манера дала трещину, когда он увидел мужчину за спиной Цзян Лэ. Мао Сяофэй не спросил напрямую, но часто бросал на Цзян Лэ взгляды, полные сомнения.

Цзян Лэ пришлось вывести волчонка перед собой и как можно спокойнее представить:

— Это Сяо Лан. Просто принял человеческий облик.

Ошеломление на лице Мао Сяофэя мелькнуло на секунду, а затем он расплылся в улыбке:

— Так это же хорошее дело!

Мутировавший волк, которому обычно было лень общаться с любыми существами, кроме Цзян Лэ, впервые сказал:

— Спасибо.

Во взгляде, которым он посмотрел на Мао Сяофэя, даже появилась тень одобрения.

Он тоже так считал. Просто Цзян Лэ почему-то был странным.

Реакция Мао Сяофэя заставила Цзян Лэ слегка задуматься над собой. Может, это и правда была чрезмерная реакция из-за непривычки? Цзян Лэ сам не очень понимал, откуда берётся это трудноописуемое чувство. Отторжением это назвать было нельзя, скорее какой-то дискомфорт, будто по коже бегут мурашки.

Но нынешнюю эволюцию волчонка действительно можно было назвать крайне успешной. В прошлой жизни, даже спустя несколько лет после конца света, Цзян Лэ не слышал, чтобы мутировавшие виды могли принимать человеческий облик. Этого было достаточно, чтобы понять: само по себе такое изменение очень редкое.

Потому что человеческая форма, по сравнению с исходной звериной формой, слаба. Её строение далеко от предельной скорости и силы. Только когда определённая одержимость в процессе эволюции достаточно глубока, в мутации может появиться такое редкое изменение.

С этой точки зрения это, наверное, тоже доказывало, что внутренняя ненависть волчонка к людям стала не такой сильной.

К тому же в человеческой форме волчонок, путешествуя рядом с Цзян Лэ, был куда менее заметен, чем четырёхглазый щенок.

А то, что волчонок сразу схватил руку, которой Цзян Лэ только что вывел его вперёд, и не желал отпустить, Цзян Лэ, раз не смог вытащить её с первого раза, тоже молча принял.

Ведь для него превращение волчонка в человека казалось очень странным, но для самого волчонка, если Цзян Лэ станет всё время явно проводить границу между ними, это, скорее всего, будет означать, что после повышения хозяин начал отдаляться. Цзян Лэ считал, что для маленького зверя это всё-таки слишком жестоко.

Стоило только посмотреть в прозрачно-голубые глаза волчонка, и он уже совершенно не мог слишком долго отказывать.

Уведя волчонка из Маоцзя за руку, Цзян Лэ собрался покинуть ферму.

На двери маленькой лечебницы повесили табличку «Лекарь-женьшень в командировке». Фэн Юню велели за это время хорошенько переварить знания, которым тот его научил, а в следующий раз по возвращении будет проверка.

Кровавая лоза убрала огромную сеть дочерних лоз, раскинутую под землёй фермы, и снова приготвилась к выходу.

Охотничья карта на этот раз подсветилась на юго-западе материка, более чем в тысяче километров от Цзянши. В лесу волчонок сначала уменьшился до формы четырёхглазого щенка, выбрался из груды одежды, потом лапой собрал эти вещи в комок, похлопал по ним подушечкой лапы и поднял голову, глядя на Цзян Лэ. Без слов показывал, чтобы Цзян Лэ помог убрать одежду.

Цзян Лэ мысленно выругал себя, но всё равно не смог удержаться от умиления. Наклоняясь за одеждой, он кончиками пальцев потёр мордочку щенка и с трудом подавил желание поднять щенка и прижать к себе.

К счастью, волчонок не заметил тонких изменений в выражении лица Цзян Лэ под невозмутимостью. Затем он превратился в форму примерно в треть своего исходного размера, хотя и в таком виде был высотой Цзян Лэ по плечо.

— Садись, — наконец сказал волчонок.

Но перед глазами Цзян Лэ возникло лицо волчонка в человеческом облике. Он силой подавил странное ощущение и одним прыжком сел на спину волчонка. Волчья спина была достаточно широкой, а бег достаточно ровным. Когда Цзян Лэ лежал на ней, его почти полностью скрывала шерсть гигантского волка. Со стороны это выглядело так, будто один волк стремительно несётся по континенту.

Такое быстрое движение продолжалось с утра до вечера. Только когда зона мутаций стала

совсем близко, скорость волчонка постепенно снизилась. Наконец в нескольких десятках километров от зоны Цзян Лэ спустился с его спины и начал вести путь впереди.

Когда небо уже темнело, они наконец добрались до цели нынешней охоты.

В отличие от прежней зоны мутаций Юньчжун, это место, названное на карте Бигуан, располагалось в горном лесу. Даже до конца света в округе почти на сотню ли редко встречались человеческие следы.

Структура этой зоны мутаций в целом была похожа на зону Юньчжун: от центра наружу она слоями расходилась кольцами. Только здесь не было никаких следов появления обладателей способностей. В широких горных лесах будто существовал один лишь Цзян Лэ.

Поскольку внешнее вмешательство никак не влияло на мутации, зона мутаций Бигуан была примерно вдвое больше Юньчжуна, и степень мутации здесь тоже была глубже. Даже во внешнем кольце уже не встречались мутировавшие виды 3-го уровня: всё начиналось сразу со среднего 4-го уровня и дальше слой за слоем продвигалось внутрь, до огромной тёмной неизвестной области в самом центре.

Однако, имея опыт зоны мутаций Юньчжун, а также поскольку оба главных питомца получили новый уровень усиления, плюс с ним был мутировавший женьшень с высокой ментальной атакой и лечебной силой, Цзян Лэ всего за три дня очистил внешние и средние слои этой зоны мутаций.

Но до центральной зоны мутаций оставался ещё один слой высокоуровневой области.

Клинок из черепашьей кости с шорохом прилетел из воздуха и, упав на землю, глубоко в неё вонзился. Цзян Лэ, слегка задыхаясь, спрыгнул с мутировавшего дерева высотой в сотню метров, несколько раз легко оттолкнувшись по пути, и приземлился у клинка. Он поднял его.

Волчонок в воздухе бросился на гигантского медведя, преследовавшего Цзян Лэ сзади, и силой заставил его сменить направление. В процессе они переломали целый участок твёрдых как камень деревьев, и воздух наполнился взрывоподобным треском.

Лозы кровавой лозы крепко связали гигантского медведя, едва тот потерял равновесие и упал, а затем, воспользовавшись возможностью, через раны, нанесённые когтями и клыками гигантского волка, успели проникнуть внутрь до того, как они заживут. Лозы быстро выпустили токсин и начали разъедать тело этого мутировавшего медведя 7-го уровня.

Тело мутировавшего медведя пронзила огромная боль, одновременно в нём поднялась безграничная ярость. Его туша даже не сразу рухнула. Напротив, ярость пробудила другую форму: мышцы на спине высоко вздулись, и размером он вмиг превзошёл стоящего перед ним мутировавшего волка.

Только поднятая им когтистая лапа всё никак не опускалась. На лице мутировавшего медведя появилось выражение борьбы с чужой, не принадлежащей ему волей. Он валялся на земле, размахивая всеми четырьмя лапами: то хотел разорвать собственную грудь, то пытался контратаковать волчонка.

Мутировавшему женьшеню уже было непросто контролировать его до такой степени. У этого мутировавшего медведя сам по себе был довольно высокий ментальный показатель, поэтому сопротивляемость ментальным атакам у него была немалой.

Цзян Лэ ухватил этот шанс и вонзил клинок из черепашной кости глубоко в глазницу мутировавшего медведя. Бесчисленные дочерние лозы поползли внутрь через эту кровотокающую рану, а волчонок через рану на груди мутировавшего медведя одним рывком разодрал ему грудную клетку и вытащил оттуда бьющееся сердце.

Через несколько минут мутировавший медведь окончательно потерял признаки жизни. Цзян Лэ убрал его останки в пространство.

За семь дней в зоне мутаций Цзян Лэ наконец очистил три внешних кольца. Пространственный склад уже почти был завален мясом разных мутировавших видов.

Времени здесь Цзян Лэ потратил гораздо больше, чем в зоне мутаций Юньчжун. Ведь в центральной зоне Юньчжуна был всего лишь мутировавший женьшень 7-го уровня, а в этом слое, ещё за пределами ядра Бигуана, мутировавшие виды уже достигали 7-го уровня, причём далеко не один.

О самой ценной для исследования центральной части Цзян Лэ пока ничего не знал. В прошлый раз, столкнувшись с мутировавшим женьшенем, он ещё во внешнем кольце через восприятие сознания ощутил его невероятный ментальный показатель и смог подготовиться.

Но в этой зоне мутаций Бигуан, пока Цзян Лэ непрерывно продвигался внутрь, не было никакого движения. Даже сейчас, когда до центральной области, показанной на карте, оставался всего шаг, мутировавшее существо внутри всё ещё было спокойно как вода. Это заставляло Цзян Лэ колебаться.

Впрочем, в этой высокоуровневой зоне ещё оставались мутировавшие существа 7-го уровня. Цзян Лэ убрал клинок из черепашной кости, посмотрел в сторону, откуда донеслось колебание способности, и сначала вошёл в пространство вместе с питомцами.

После непрерывных боёв им всем был нужен отдых.

<http://bllate.org/book/17649/1691017>